

Владимир
БОРИСОВ

г. Москва

Откуда-то сверху, из-под темного, заросшего лишайником черепичного конька древнего собора Notre-Dame de Paris, на заснеженную мостовую, гранитные парапеты, влажные от тающего снега, на сонные черные волны равнодушной Сены так же равнодушно взирала старая кошка неопределенной пятнистой масти, длинная и необычайно худая. Ее короткие заостренные уши нервно подрагивали, улавливая шорох подошв о хлипкий влажный снег, чуть слышное женское пение, приглушенный кашель мужчины.

*Tombe la neige
Tu ne viendras pas ce soir
Tombe la neige
Et mon coeur s'habille de noir
Ce soyeux cortège
Tout en larmes blanches
L'oiseau sur la branche
Pleure le sortilege...¹*

Кошка приподнялась с нагретого места, безбоязненно выгнула спину, широко и беззвучно ощерила пасть и, бросив последний взгляд в темную пропасть снежной круговерти, протиснулась сквозь щель слухового окна в теплую чердачную ночь. Разлапистые и крупные, словно ненастоящие, пушинки, лениво покачиваясь, опускались на крутые, истертые ступени моста, старательно прикрывая две цепочки следов, неверные и неуверенные, ярко чернеющие на белом нетронутом снегу...

¹ Отрывок из песни Сальваторе Адамо «Падает снег»:

*Падает снег...
Ты не придешь сегодня вечером.
Падает снег...
И мое сердце одевается в черное.
Это шелковое шествие,
Все в белых слезах.
Птица на ветке
Оплакивает эти чары.*

(В пер. А. Захарова)

Ванька-дурачок
рассказ

1

Копытова Ивана в селе иначе как Ванькой-дурачком не величали. За глаза, конечно, а все ж таки обидно, наверно. Трудно сказать, отчего и когда прилепилась эта нелюбимая кличка к в общем-то вполне нормальному, работающему мужику, но прилипла она к нему основательно, не хуже чем родная кожа. Посмотришь, у иного и забор завалился, и избенку набок ведет, да и сам он маму родную с опохмела не узнает, ан все равно уважение: «Здравствуйте, мол, товарищ Кузякин. Наше вам, Илья Фомич... Как ваше ничего, гражданин землемер?» А здесь хоть издохни, хоть в лепешку расшибись — один хрен, все ни слава богу, все как-то не так, все не как у людей... Одним словом, раз Ванька-дурачок, значит, и поступки у него непременно дурацкие, и нечего тут из кожи лезть, что-то там и кому-то доказывая. Глупость все это, глупость и безнадега. Народ он не зря гегемоном обзывается: раз сказал, что Иван-дурак, значит, дурак. Сиди на попе ровно, сиди и не рыпайся....

...После окончания ПТУ вернулся Иван в родное село, устроился механиком-наладчиком молочно-доильного оборудования и вот уже лет двадцать — двадцать пять как бессменно трудится бок о бок с коровками да доярками. Из последних, кстати, и жену себе нашел — Варьку. Баба хоть и неверная, погулять еще до замужества любила, однако же попивала довольно умеренно, не в пример своим сверстницам, да и в теле имела приятную припухлость.

Добрый был Иван мужиком, простодушным да легковверным, словно ребенок малый, тем более что из сирот (родичи его по пьяни в степи замерзли), вот и клонул на первую понравившуюся, что сообразила раньше других затащить его в постель. Расчухаться не успел — глядь, а уж несостоявшаяся еще тещенька его сынком называет да в баню дочку свою вместе с ним, ровно женатиков каких, париться приглашает.

Оженившись да годок-другой в примаках помыкавшись, Копытов стал еще добрее и мягче душою, чем до брака. Варьку, бабу свою, к примеру, Иван никогда не бил, даже и подвыпив, да что там бабу, он, болезный, у самой

распоследней паршивой овцы, перед тем как горло ей лезвием располовинить, иной раз около часу прощения выпрашивал. Хотя кто знает, быть может, именно из-за этой его не по-деревенски доброй души и ходил Ванька в дурачках деревенских?.. Кто знает?..

Руки у Копытова, однако, росли оттуда, откуда нужно. Электродоилки и прочее оборудование по отсосу молока и отгребанию коровьего навоза работали как часы, без простоев и поломок — оттого и колхоз их родной, что по бумагам как «Красный луч» значился, всегда в передовых по сдаче молока числился. И, надо полагать, именно из-за этого немаловажного фактора и сам Ванька, и супружница его Варька всегда премии получали, иной раз и немаленькие, что, впрочем, только лишний раз работало против старательного механика-наладчика. «Вон Ванька-дурачок опять полтора за квартал хапнул, а ты что? Хуже его или только водку жрать умеешь? Лапоть хренов!» — справедливо негодуя, выговаривала иной раз соседская баба своему мужику, вырабатывая у последнего подсознательную злобу к ни в чем не повинному Ивану.

При коровнике, длинном одноэтажном кирпичном здании, расположилась небольшая комнатуха с дощатыми дребезжащими стенками. Она находилась прямо под лентой, по которой целый день бежали перемешанные с истоптанной соломой коровьи экскременты, и в ней была небольшая мастерская дежурного механика. Вроде бы и плюнуть некуда — от силы метров пять квадратных комнатуха, а гляди ж ты, все на местах. В углу примостился крашенный голубой краской старенький холодильник, рядом — верстачок с огромными тисками. Тут же расположился и кое-какой инструмент, аккуратно разложенный на промасленной газете. Пол хоть и земляной, но аккуратно выметенный, разве что не блестящий — кто не знает, вообще за бетонный принимает. Возле холодильника невесть каким чудом умудрился Иван впахнуть засаленный диван с круглыми подлокотниками. А на стене, над верстаком, любовно распятая ржавой канцелярской кнопкой старая страница с фотографией, вырванная из какого-то журнала. Надпись, чернеющая под несомненно талантливым снимком, гласила: «Le pont Saint-Michel. Paris.

1918. L'atelier de Eugene Atget»². Чем привлекла Ивана эта фотография, неизвестно, но любил он ее ровно родного дитяту, которого, кстати, так и не случилось по причине первого, еще девичьего, Варькиного аборта. Иван готов был часами рассматривать черно-белый снимок, постоянно открывая для себя все новые и новые детали, запечатленные мастером. Вот и сейчас, покачиваясь на грубо сколоченном табурете, далеко от себя отставив перепачканные в масле руки, Копытов, бросив на снимок усталый взгляд (как-никак смену уже отпахал), заметил, что в левом углу, чуть пониже крупной выступающей буквы N, зазмеилась чуть заметная трещинка.

«А вчера, кажись, и не было ее?.. — засомневался Иван и даже привстал, прищулив глаз, зеленый и въедливый. — Неужто за ночь образовалась?..» — удивленный мужик хмыкнул и, позабыв про грязные руки, почесал кудрявые, в легкую ржавчину волосы.

Минут через сорок, когда худо-бедно отмывшись теплой, отдающей железом водой, расчесанный и уставший, возвращался Иван домой темными, скудно освещенными проулками, перед взором его все еще стоял кусочек старого Парижа, запечатленный на фотоснимке: каменная глыба старинного моста, размытая редким ненашенским снежком, и одинокая женщина в длинном плаще, стоявшая у гранитного парапета. Интересно, кем она могла бы быть? Простой работницей или светской дамой, гризеткой или уличной кокоткой?

Но по её поникшим плечам он понял, что она усталая и до жуткой очевидности одинокая. Одиночество женщины, стоявшей на берегу неведомой ему реки, отчего-то делало ее в глазах Ивана более русской, что ли, почти что своей...

«Потерпи, одинокая, — улыбаясь, прошептал Иван, прикуривая мятую сигарету, привычно сплевывая горькие крошки табака. — Завтра я на сутки выхожу. Так что утром встретимся...»

И до того хорошо ему было на душе, что даже светлая заплатка чьей-то рубахи, опрометью мелькнувшей в ночи от Ванькиного дома, не смогла напрочь подпортить ощущения этого странного, нового большого счастья.

«Что ж ты, Варька, бл***-то такая, неугомонная?.. — удивляясь бабьей глупости, пятью минутами позже напрасно спрашивал растерянную,

расхристанную супругу Иван. — Да неужто так уж и плохо тебе, бедолага, со мной живется, что ты, дура, даже график моего дежурства вызубрить не захотела? Что ж ты позоришь меня, Варька?! Невтерпеж, что ли, в самом-то деле?»

Иван еще раз оглядел притихшую на диване полную и растрепанную женщину, бесцельно разглаживающую по телу короткими пальцами холодно-скользкую шелковую ночную рубашку, вздохнул и, переборов жуткое желание смазать жене по дряблым и трясущимся ее щекам, пошел на кухню убирать следы вечернего застолья.

Увядшие перья темно-зеленого лука, хлебные крошки и расплюснутые о консервную крышку окурки влажной тряпицей сгребал Иван со стола, нимало не переживая, кто же теперь, в его отсутствие, проверял упругость пружин Иванова дивана, купленного, кстати, совсем недавно — на майские. Если еще лет пять-десять назад его мужицкое воображение, подогретое ревностью и ползающими по селу слухами, рисовало отвратно-гнусные картины Варькиного совокупления с любым из односельчан мужского пола, то теперь, когда в судьбе Копытова появилась эта самая одинокая парижанка, приступы ревности как-то сами собой сошли на нет, оставив вместо себя легкое презрительное недоумение.

«Зачем ей все это? И когда же она наконец-то перебесится, ведь не девочка уж давно?» — размышлял Иван, расставляя перемытую посуду на проволочной сушилке.

Удовлетворенно окинув взглядом аккуратную прибранную кухню, Иван прошел в комнату. Варька, погасив свет, мирно посапывала, довольно натурально изображая спящую. Из-под якобы случайно отброшенной простыни матовой округлостью светилась голая задница его супружницы. В иные годы, по молодости, подобной хитростью Варька частенько вымаливала у отходчивого мужа прощение.

Невесело хмыкнув, Копытов прикрыл простынею женины прелести и, не понижая голоса, проговорил сухо и убежденно: «Еще раз попадешься — уйду из дома».

² Мост Сен-Мишель. Париж. 1918. Мастерская Эжена Атже. Эжен Атже (1857–1927) — известный французский фотохудожник, признанный мастер городской фотографии.

В теплой, пропахшей квасом, старой пыльной кошмой и потным женским телом комнате повисла плотная ночная темнота, лишь изредка прерываемая легким Варькиным похрапыванием.

2

Варька продержалась почти четыре месяца... Почти под самый Новород Ивана Копытова пригласили в город на праздничную конференцию животноводов области, наградили ручными часами и цветастой грамотой, напечатанной на плотной глянцевой бумаге. После торжественной части всех приглашенных и награжденных председатель облисполкома лично отвел в расположенный по соседству с Домом культуры ресторан «Заморские дали №2», рассадил всех по утвержденному списку и, выпив на ходу рюмку водки, пожелал животноводам дальнейших успехов, скрылся на служебной машине в морозной снежной дымке.

Иван, мужик практически непьющий, довольно быстро наелся и от нечего делать решил прогуляться по периметру главной городской площади. Вот тут-то и попалась ему на глаза небольшая конторка, над дверью которой висел красочный транспарант лиловой гуаши: «ГОРЯЩИЕ ПУТЕВКИ ПО ВСЕМУ МИРУ».

Чтобы отбить водочный дух изо рта, Иван зажевал пару колючек голубой ели, растущей поблизости, сплюнул зеленью на грязный топтанный снег и смело вошел в турагентство.

«Милая, мне бы что-нибудь поближе к Парижу», — он попытался отвлечь от разглядывания глянцево поблескивающего журнала сиротливо сидящую на потрепанном стуле молодую лупоглазенькую девицу.

Деваха, не отрываясь от журнала, подбросила на стойку перед самым Ивановым носом небольшую лощеную книжицу с утопающей в огнях Эйфелевой башней и надписью «Четыре незабываемых дня в городе влюбленных» на мятой обложке. Копытов поспешно раскрыл буклет, но дорогого сердцу моста среди фотографий не заметил, отчего набылчился и уже довольно грубо поинтересовался: «Ну и сколько

по нынешним временам стоят четыре дня в городе влюбленных?»

Прыщеватенькая барышня пальцем с ноготком, украшенным облезлым черным лаком, молча царапнула в самом низу брошюры.

Иван выругался, не удержался сразу же полностью протрезвившийся мужик:

— Да это же столько телка хорошая стоит! Вы что, совсем ку-ку?!

— Это вы ку-ку! — наконец-то ответила девица. — Нам ваши телки совсем и без надобности... Скажите спасибо, что путевки мы реализуем горящие, а то, боюсь, вы и с быком бы распрощались...

— А что тебе бык?! — завелся невесть отчего Иван. — Что тебе бык, дорогу перешел? А ты его, быка этого самого, хоть раз в жизни кормила? Подстилку просанную ему по холоду меняла?! А дерьмо ты за ним убирала?! Нет?! Вот то-то...

Иван так же резко остыл, покраснел и бочком-бочком направился к двери.

В углу на стуле, уронив журнал на пол, с открытым ртом сидела девушка и полными слез глазами смотрела то ли на разбушевавшегося Ивана, то ли на огромного быка, вот-вот готового появиться среди снежной колючей круговерти за дверью...

— Ты прости меня, девочка, как тебя там? Прости... Не знаю, что это на меня нашло. Прости.

Иван распахнул дверь и почти бегом ринулся прочь. Да и пора уже было: автобус, подслеповатый и мятый, залепленный ошметками снега, уже торчал возле автовокзала...

«Прости!» — прокричал он на бегу, спеша забраться в теплое, пропахшее бензином и овчиной нутро автобуса...

— Мне до Долгой! Один! — Копытов протянул кондуктору квелую купюру и, присев возле окна на жесткое сиденье, принялся высчитывать что-то в столбик, записывая цифры на заиндевевшем окне...

Дома Ивана встретила холодная тишина, нетопленная печь и тоскливое мычание недоенной коровы. Наскоро обтерев вымя Ласточки, Копытов умело и споро сдоил молоко в звенящее оцинкованное ведро и, оставив его в сенах, поспешил на ферму.

В комнатухе его на диване с незастегнутой ширинкой, пустив на щеку клейкую слюну, похрапывал зоотехник — практикант, тщедушный паренек лет двадцати пяти, присланный из городского техникума на зимнюю практику. Варька сидела, раскачиваясь на верстаке, совсем голая, но с наброшенной на полные плечи засаленной телогрейкой, и, уставившись на вошедшего супруга пустым взглядом ничего не понимающих глаз, с трудом пыталась что-то проговорить. Может быть, даже и повиниться...

«Я же тебя предупреждал, сучка!» — облегченно выдохнул Иван и, освобожденно хохотнув и презрительно щелкнув прокуренным пальцем Варьку по крупному носу, вышел, не оборачиваясь.

Редкие по случаю новогодней ночи проезжающие машины светом фар выхватывали из снежной темноты странную картину: по обочине дороги в сторону города шел улыбающийся мужик в коротком полушубке с зеленым дерматиновым чемоданом в руке. Следом за ним с философским равнодушием понуро брела пестрая корова, изредка помахивая заиндевелым хвостом.

Провожая взглядом проезжающие мимо него машины, Иван недовольно морщился, словно их надсадный шум мешал его нескончаемой беседе с той, которая несомненно ожидала его возле чужого парижского заснеженного моста.

3

Иван сидел на отчаянно холодной и мокрой ступени, подложив под сидалище дерматиновый чемодан, сидел почти возле самой воды, с тоской осознавая всю глупость случившегося. Полупустой чемоданишко, расплющенный задницей Копытова, подозрительно скоро промок, и Ивана, основательно продрогшего, била крупная дрожь. Сигареты закончились, да и курить-то здесь под мостом на промозглом сквозняке особого желания у Ивана не было.

Хотелось согреться, горячего чаю с клюквой или, на худой конец, водки. А еще хотелось домой. В родное село. В теплый коровник, где тяжело и грустно вздыхают разномастные телки,

твердо перебирают копытами приземистые широкогрудые производители и жалобно мычат телята-первогодки. Хотелось к непутевой и, наверное, давно уже нелюбимой Варьке.

Группа его уже покинула Францию (Иван вчера тайком сквозь частую решетку ближайшего к гостинице сквера наблюдал, как туристы под вечер грузились в автобус, направляющийся в аэропорт), и что теперь ему делать без документов и денег, он не представлял.

Черная вода Сены, при одном взгляде на которую становилось еще холоднее и неуютнее, чуть слышно хлопала о серый гранит — хлопала подозрительно музыкально. Ивану даже показалось, что сквозь шорох этих холодных волн он может разобрать какие-то слова, а то и целые фразы...

*... Tu ne viendras pas ce soir
Me crie mon desespoir
Mais tombe la neige
Impassible manège*

*Tombe la neige
Tu ne viendras pas ce soir
Tombe la neige
Tout est blanc de desespoir
Triste certitude
Le froid et l'absence
Cet odieux silence
Blanche solitude...³*

Совсем отчетливо услышал у себя за спиной Иван, и все еще словно сомневаясь, медленно, страшно медленно повернулся на голос. Невысокая худощавая женщина с несколько высоковатыми скулами, в светлом плаще и невы-

³ Ты не придешь сегодня вечером —
Мне кричит мое отчаянье,
Но падает снег,
Невозмутимо кружась,
Падает снег:
Ты не придешь сегодня вечером.

Падает снег,
Все бело от отчаяния.
Грустная определенность,
Холод и пустота,
Это ненавистное безмолвие —
Белое одиночество.

(Из песни С. Адамо «Падает снег» в переводе А. Захарова)

соких сапожках с опушкой, промокших и даже, кажется, слегка стоптанных, стояла, опираясь на длинный зонтик-трость, ступеней на пять-шесть выше оторопевшего мужика и внимательно, легко и устало улыбаясь, смотрела на него.

— Ты все ж таки пришла, одинокая? А я, дурак, уже начал сомневаться... А ты пришла...

Он встрепенулся, узнавая ее, — ту с фотографии, с кем разговаривал так часто...

— *Quel est le probl me, mec? Vous vous sentez mal?*⁴ — проговорила она негромко и, спустившись на несколько ступеней ниже, приложила ко лбу Ивана узкую и прохладную ладошку.

— Да ты что, родимая? Ты думаешь, я заболел? Вот уж нет! Копытовы все крепкие к холоду... Родичи мои вот тоже в свое время... — он вглядывался в лицо женщины посветлевшими повеселевшими глазами, и губы его, потрескавшиеся от холода, непроизвольно растянулись в счастливую улыбку.

— А я знал, ты услышишь, родная, я знал, что ты придешь. Я знал...

— *Je vous invite moi. Vous avez juste besoin de vous dess cher et de chaud ... Je vais pr parer du caf.*⁵...

— негромко и неуверенно проговорила незнакомка и, повернувшись к Ивану спиной, начала подниматься вверх, туда, где гранитные баляси-

ны и перила моста чернели на фоне серо-снежного утреннего неба.

Копытов зажмурился и, спихнув в воду нелепый чемодан, неловко спотыкаясь на мокрых ступенях, поспешил за ней...

...На пустынную набережную, что возле моста Сен-Мишель, тихо опускался крупный, нереально крупный снег, старательно прикрывая черные цепочки следов... Влажные и неверные...

*...Tombe la neige
Tu ne viendras pas ce soir
Tombe la neige...*

⁴ Что с вами, мужчина? Вам плохо? (фр.)

⁵ Я приглашаю вас к себе. Вам просто необходимо обсушиться и обогреться... Я сварю вам кофе... (фр.)

Владимир Александрович БОРИСОВ

родился в 1958 году в Челябинске.

Поэт, прозаик, драматург.

Автор двух сборников рассказов и повестей

«Ангел серебристый» и «Побег».

Публиковался в сборниках и антологиях, изданных в США, России, Нидерландах, а также ряде литературных журналов.

Золотой лауреат премии «Золотое перо Руси» (2008).

Член Союза писателей России

и Союза писателей «Новый современник».

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

